

Отзыв

на автореферат диссертации Линь Инин «Перволичная форма повествования в русской и китайской дневниковой прозе

(Н.В. Гоголь и Лу Синь, Ю.В. Жадовская и Дин Лин)», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности

5.9.3. Теория литературы

Актуальность диссертации Линь Инин обусловлена глубоким историко-поэтическим и проблемным параллелизмом развития литературных форм Китая и России, обусловленного в то же время внутренней логикой эволюции жанровых форм. В каждой из этих двух богатейших литературных традиций рассказ от первого лица задавал мощнейший потенциал разветвления отношений автора как к материалу, так и к читателю

Особенно перспективным видится проведенное в диссертации системное анализ повести Н.В. Гоголя «Записки сумасшедшего» (1835), с одной стороны, в сопоставлении с одноименно повестью Лу Синя (1918), написанной под влиянием русского писателя, а с другой – в контексте жанрового взаимодействия в русской литературе церковной и литературной исповеди, жития и литературного дневника.

В анализе «Записок сумасшедшего» Линь Инин опирается на градации жанра литературного дневника, проведенные О.Г. Егоровым А.С. Пригариной, соответственно, по типу автора / рассказчика (экстравертивный интровертивный - сводящий автора и рассказчика в русле развития психологизма, - и чередующий эти две позиции) и по предмету дневникового дискурса (критика себя, других или ситуации; размышление; молитва).

В работе показывается, что «Записки...» Поприщина воспроизводят основные приведенные выше типы дневника – начинаясь с критики общества (то есть рассуждений»), продолжаясь самоанализом в русле поставленных целей и заканчиваясь отчаянной молитвой в адрес матери (Автореф., с. 28). Но при этом Линь Инин справедливо отмечает, что сочетание этих предметов и позиций в «Записках сумасшедшего» осложнено нарастающим безумием «автора». Поприщин – недостоверный наблюдатель самого себя и отсюда – окружающего мира: он фиксирует свое нарастающее безумие, но не осознает его причин. В анализе безумия Поприщина исследователь опирается на определенный З. Фрейдом характер психоза как конфликта внутри желаемым и реальностью, неразрешимого в рамках последней. Это ведет к произвольному переиначиванию отношений реальности и мечты. Поэтому хотя формально в дневнике героя присутствует, по мнению исследователя, критика общества, из работы объективно следует, что предметом гоголевского анализа в повести становится не непосредственно описываемая Поприщиным действительность, а ее восприятие героем и коренящиеся в ней источники его устремлений. А именно: чем и почему действительность (и прежде всего общественная иерархия) привлекает Поприщина и чем страшит его?

Как справедливо отмечает Линь Инин, с самого начала Поприщин дает понять, что хочет изменить не общественную иерархию, а свое место в ней.

Поэтому его общественные оценки отражают, в первую очередь раздражение по поводу препятствий на пути к иерархической вершине, олицетворенной в генерале и его дочери. Люди, стоящие между ним и генералом, ничтожны и глупы: начальник отделения – «проклятая цапля», чиновники – «собаки», лакей – «глупый холоп». В то же время директор и его дочь важны и благородны: «важность сияет в глазах... государственный человек»; «святые, какой платок... дышит от него генеральством». Соответственно, себя Поприщин определяет как достойного возвышения (через головы «собак» и «холопов») и породнения с генералом: «я занимаюсь благородной службой»; «я чиновник», «я благородного происхождения».

Однако якобы перехваченная переписка собак открывает Поприщину глаза на самого себя как «черепашу в мешке», а также на обручение генеральской дочери с камер-юнкером. Это и ведет героя к окончательному безумию, побуждая переконфигурировать свои отношения с реальностью, объявив себя испанским королем. Поприщин создает себе идеальный мир, где не нужно ходить на службу, поклоняться директору и ухаживать за женщиной. Но в лечебнице его иллюзорный мир рушится принципом реальности, что ведет к *молитве*: отчаявшийся Поприщин взывает к матери, то есть детству, а также к возвращению в родной мир.

В то же время, как показывается явствует из работы, использование в «Записках сумасшедшего» перволичной формы (единственный раз в «Петербургских повестях»), позволяет видеть сознательно установленную Гоголем особую связь между автором и нарратором. Проясняется она развернутым во II главе диссертации преемственностью жанра дневника в русском литературном контексте церковной и беллетризованной исповеди.

В работе констатируется, что, в отличие от традиций конфуцианства и дао, христианское миропонимание ориентировано на раскрытие внутреннего мира человека, его самопознания и духовного поиска. Концепты греховности и спасения постулировали духовную сложность личности и задали проекцию ее анализа его невидимой, сокровенной стороны. В русской литературе это задает исповедальную модальность самовысказывания – в отличие от сентиментальной в Китае. Исповедь предполагает самонаблюдение, самообъективацию, самоанализ и самопознание для преодоления греха и спасения. Это предполагает поиск истоков греха в человеческой природе. В процессе этого самоанализа человек осознает недостаточность собственных сил для спасения, что ведет к молитве Богу.

«Литературная» исповедь закрепляет в качестве предмета «сокровенные глубины духовной жизни». Но, в отличие от исповеди религиозной, автор и рассказчик «расслаиваются». Это, однако, раскрывает потенциалы самой исповеди, анализирующей природу греха: автор заставляет рассказчика раскрывать свои внутренние конфликты.

В русской литературе Нового времени это задает генезис литературного дневника. Черты которого исследователь справедливо отмечает черты дневниковой исповеди в «Герое нашего времени» М.Ю. Лермонтова, «Лишнем человеке» И.С. Тургенева, «Войне и мире» Л.Н. Толстого, а их сквозной, программный характер в творчестве Ф.М. Достоевского (Автореф., с. 23).

В этом контексте «Записки сумасшедшего» видятся радикальной формой собственно авторской исповеди. На метатекстуальном уровне Поприщин предстает

лирической самопародией автора, «острающего» в герое собственный душевный опыт. Возможно, именно глубина осознания Гоголем в Поприщинском душевном пути своего собственного подвел писателя к его исповедальной поляризации греха и спасения в его позднем творчестве – «Выбранных местах из переписки с друзьями» (1847) и «Авторской исповеди» (1847).

Эти особенности гоголевских «Записок сумасшедшего» особенно наглядно проявляются в работе их сопоставлением с одноименной повестью Лу Синя, вдохновленной Гоголем. Как показывает исследователь, Лу Синь перенял у Гоголя форму дневника, образ «сумасшедшего» и перволичное повествование. Но если Поприщин – бессознательная жертва социальной иерархии, то герой Лу Синя – протагонист автора и сознательный борец с нею. А его «безумие» (в том числе рефлекслируемое рассказчиком как духовная угроза) утверждает «от противного» «безумие» социальных порядков и нравов (Авторыф., с. 29-30).

Диссертация «Перволичная форма повествования в русской и китайской дневниковой прозе (Н.В. Гоголь и Лу Синь, Ю.В. Жадовская и Дин Лин)» является самостоятельным и оригинальным научным сочинением и отвечает всем требованиям, предъявляемым к такого рода работам, а ее автор, Линь Инин, полностью заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.3 Теория литературы.

Доктор филологических наук (10.01.01),

ведущий научный сотрудник Института высших

гуманитарных исследований имени Е.М. Мелетинского

ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»

Иваницкий Александр Ильич

14 марта 2026 года

Контактные данные:

Москва, Миусская площадь, д. 6, корп. 7, комната 165.

Телефон (495) 250-66-68

e-mail: meisster@mail.ru